

Список литературы:

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Худ. лит., 1998. 766 с.
2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; АСТ, 2000. 624 с.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио –Пресс, 1998. 704 с.
4. Кочедыков Л.Г. Краткий словарь иноязычных фразеологизмов: Более 700 единиц. М.: Русские словари; Астрель, 2000. 240 с.
5. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: Терра, 1998. 598 с.
6. Спирин А.С. Русские пословицы: Сборник русских пословиц, поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Р. н/Д., 1985, 567 с.

Айткожин А.А.
Казахстан, Павлодарская область,
Коммунальное государственное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №21 акимата г.Экибастуза»
Научный руководитель: учитель высшей категории, Кожухметова Г.Е.

ЦИТАТА КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

В условиях современной действительности культурная парадигма получила название постмодернистской, под которой большинство учёных понимают существенные преобразования в системе культуры, вызванные бурным развитием информационных технологий, разнообразных средств массовой коммуникации, которые охватили все сферы человеческой деятельности, в результате чего граница между элитарной (высокой) и массовой культурой оказалось размытой.

Термин «интертекстуальность» был введен теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой, по мнению которой, «всякое слово (текст) есть ...пересечение слов (текстов) есть пересечение слов (текстов)», «диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма, образованного нынешним ил предшествующим культурным контекстом». В интерпретации Ю.Кристевой означает «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность - это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [1, с. 444].

Теория интертекстуальности имеет три основных источника: теоретические взгляды Ю.Тынянова, теория анаграмм Фердинанда де Соссюра и концепция диалогических отношений М.Бахтина.

Ю.Н.Тынянов подошел к проблеме интертекста через изучение пародии. Он (как и Бахтин) видел в пародии фундаментальный принцип обновления художественных систем, основанный на трансформации предшествующих текстов. Пародия выступает как двуплановый текст, сквозь который «сквозит», по его выражению, текст-предшественник. По существу весь смысл пародии возникает при ее соотнесении с предшествующей традицией, которая обязательно включается в чтение пародического текста. При этом ученый различал два типа интертекстуальных отношений - стилизацию и пародию: «Стилизация близка пародии. И та и другая живут двойной жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна неувязка обоих планов, смещение их; пародией трагедии будет комедия (все равно, через подчеркивание ли трагичности или через соответствующую подстановку комического), пародией комедии может быть трагедия. При стилизации этой неувязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого» [2, с. 318]. Неувязка, смещение планов в пародии имеют принципиальное значение, так как через них в пародийном тексте происходят глубинные семантические сдвиги, запускается механизм смыслообразования. Но этот механизм реализуется именно через смещение одного текста по отношению к другому. Это положение становится принципиальным для теории интертекстуальности.

Вторым источником теории интертекстуальности стали соссюровские исследования анаграмм. В древней индоевропейской поэтической традиции (ранней латинской, греческой, древнегерманской) Ф.де Соссюр обнаружил «особый принцип составления стихов по методу «анаграмм». Каждый поэтический текст в этих традициях, в частности гимн «Ригведы», строится в зависимости от звукового (фонологического) состава ключевого слова, чаще всего - имени бога (обычно неназываемого). Другие слова текста подбираются таким образом, чтобы в них с определенной закономерностью повторялись звуки (фонемы) ключевого слова».

Однако новое понимание текста делало эти сомнения Ф. де Соссюра не столь уж существенными, зато открытое им явление позволяло получить наглядную модель того, каким образом в один текст включается иной, каким образом некий внеположенный элемент (имя) воздействует на значение «внутренних» элементов текста. Сам Ф.де Соссюр, размышляя о «Песне о Нибелунгах», заметил, что стоит изменить характер анаграммируемого имени, как меняется все значение текста: «В нарративном порядке символ-материал не просто используется, он испытывает изменение. Дело в том, что сам порядок видоизменяем, но одновременно и сам он становится агентом изменений. Достаточно проникновения вариации во «внешние» отношения первичного материала, чтобы изменились те характеристики, которые кажутся

«внутренними». Идентичность символа теряется в диахронической жизни легенды» [3, с. 5-24].

Таким образом, теория анаграмм позволяет наглядно представить, каким образом иной, внеположенный текст, скрытая цитата организуют порядок элементов в тексте и способны его модифицировать. На основе анаграмматической теории возникает возможность ввести интертекстуальность в структурный контекст.

Третьим источником теории интертекстуальности стала концепция диалогических отношений М.М.Бахтина.

Диалог, по М.М.Бахтину, выходит далеко за рамки вербального диалога, осуществляющегося между двумя коммуникантами, диалог имеет место между разными семиотическими системами, между отдельными высказываниями, диалогические отношения проникают и внутрь отдельного произведения, высказывания и слова; диалогично и сознание человека, и всё его бытие [4, с. 148-161].

Диалогические отношения, с точки зрения М.М.Бахтина, могут актуализироваться между разными знаковыми системами: литературой, музыкой, живописью, когда диалогически связанными оказываются образы искусств. Следовательно, диалогизм в понимании М.М.Бахтина - категория культурологическая.

Идеи М.Бахтина популяризовала в Западной Европе Ю. Кристева, которая расширила понимание текста, что привело ее к предельно широкому пониманию интертекстуальности. Она определяет текст как «общество» или «историко-культурную парадигму», как *транссемиотический* универсум, включающий в себя все смысловые системы и культурные коды как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Текст понимается только как интертекст, как общее состояние социокультурного знания, частью которого каждый текст является, на него указывает, из него возникает и затем растворяется в нем.

Вся познавательная и коммуникативная деятельность человека теснейшим образом связана с интерпретацией тех или иных знаков, жестов, слов, произведений литературы, музыки, живописи и тому подобных знаковых систем. Язык же служит универсальным средством общения и выражения мысли, поэтому он ближе и теснее всего с интерпретационной деятельностью человека.

В процессе любой интерпретации мы всегда имеем дело с фактами, которые стремимся понять и объяснить, для этого мы раскрываем их смысл и значение. Любая интерпретация начинается с фиксации первого впечатления от художественного творения и должна выявить, углубить это впечатление, сделать его «говорящим», «выраженным в словах» [5, с. 76-82].

Пратексты, интертексты, «тексты в голове» - на основе концепции Ю.Кристовой - эти понятия должны характеризовать все то, что должно получиться в результате обработки текстов, дополнения смысла текста на

основе знания интертекста, к которому сам автор может ссылаться как имплицитно, так и эксплицитно.

И текстуальность, и интертекстуальность являются основополагающими принципами, присущими каждому тексту, т.е. автор любого текста может сознательно ссылаться на другие конкретные тексты, это может происходить также и бессознательно. Но не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент информации в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать эти «сигналы» интертекстуальности, в чем заключается особая прагматическая специфика данной категории.

Языковой текст (в нашем случае – газетный) представляет собой результат диалогического действия, которому присущи различные вербальные элементы:

- объемность (обширность);
- когезия и когерентность;
- контекст;
- структурность;
- систематичность [6, с. 106-120].

Такой текст является «семиотически насыщенным, выполняющий две функции:

- адекватная передача значений;
- порождение новых смыслов.

Под влиянием воспринятого читатель видит окружающий его мир в новом свете. Чтобы текст не остался непонятым или понятым поверхностно, частично, читатель должен быть высоко эрудированным и должен уметь найти необходимую информацию. Отметим, что интертекстуальные включения обладают свойством двойственности, они одновременно принадлежат тексту, а также прошлому, другим текстам.

Неразрывность текстов семиосферы (или культуры) решающим образом основывается на принципе интертекстуальности, то есть неразрывность, целостность текстов возникает в том случае, когда тексты связаны друг с другом или вступают в отношения, которые и составляют, в свою очередь, связную, совокупную культуру [7, с. 696].

Каждый новый текст с позиций интертекстуальности рассматривается, как некая реакция на уже существующие тексты, а существующие могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов.

Основными маркерами, т.е. языковыми способами реализации, категории интертекстуальности в любом тексте могут служить

- цитаты;
- аллюзии;
- афоризмы;
- иностилевые вкрапления.

Чужая речь может включать с текст по-разному, в книжных стилях обычно прибегают к цитации. Цитата точно воспроизводит часть текста из какого-либо сочинения или выступления оратора и, как правило, дается со ссылкой на источник.

В официально-деловых текстах иногда возникает потребность в цитатном изложении содержания каких-либо указов, положений, законов. При этом обеспечивается максимальная точность выражения информации, что имеет первостепенное значение для языка документов.

В публицистическом стиле к чисто информативной функции цитаты добавляется эмоционально-экспрессивная: журналисты могут цитировать призывы, лозунги, подчеркивая важность своих утверждений, усиливая выразительность речи. Цитата - это воспроизведение двух или более компонентов претекста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике, при этом возможно точное или несколько трансформированное воспроизведение образца.

Цитаты могут быть дословными. Они в этом случае маркируются графическими средствами, что может также подчеркиваться вводящим цитату высказыванием, которое служит исходным пунктом для дальнейшего рассуждения персонажа.

Дословные цитаты обладают функцией характеристики персонажей произведений. Возможно, это самая главная функция, которую цитаты выполняют в тексте.

Цитаты могут включаться в текст также и без графической маркировки. Для описания событийной ситуации используется не только цитата, но и ассоциации, связанные с ней. Немаркированные графически цитаты в большинстве случаев модифицируются автором, подчиняются тому контексту, в который они включены. Однако эти модификации не затрагивают семантического и образного ядра цитаты. «Немаркированные цитаты включаются, как правило, в структуру сложного предложения либо в вопросно-ответное единство в качестве ответной реплики. Основная функция этих включений - повышение образной выразительности речи персонажей, а также косвенная характеристика интеллектуального и социального статуса говорящего» [8, с. 576].

Газетный текст представляет несомненный интерес для специального лингвистического изучения в силу особой роли, которую средства массовой информации играют в современном обществе, а также благодаря особенностям деперсонализованного общения, которые требуют специального исследования, является разновидностью массово-информационного дискурса, характеризуется определёнными специфическими признаками:

- деперсонализованная форма общения;
- тип адресата;

- интерпретационные характеристики.

Цитация представляет собой функциональный элемент системы принимающего текста, обладает инвариантными конвенционально установленными формально-содержательными характеристиками (эксплицитная маркированность, содержательное тождество с текстом-источником, указание авторства), осуществляет реализацию коммуникативного намерения цитирующего автора [9, с. 28-38].

Граница между цитацией и прочими способами представления межтекстовых заимствований проводится на основе формально-знакового способа маркирования внетекстовых элементов.

Цитация является способом актуализации связи принимающего текста с другими текстами по линии структуры и содержания, структурно она может быть представлена полным, редуцированным и сегментированным вариантами. Семантические типы цитации в тексте газеты представлены цитацией-мнением, цитацией-примером и цитацией-заменителем.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: «Искусство», 1986. – С. 444.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: «Советская Россия», 1979. – С. 318.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993, №4. – С. 5-24.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Избранные статьи в трех томах. – Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: «Александра», 1992. – С. 148-161.
5. Мальченко А.А. «Чужое слово» в заглавии художественного текста // Интертекстуальные связи в художественном тексте (Межвузовский сборник научных трудов). СПб.: «Образование», 1993. – С. 76-82.
6. Салова Г.С. Информативные потенции цитаты в литературно-критическом тексте // Разновидности и жанры научной прозы. – М.: «Наука», 1989. – С. 106-120.
7. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Под ред. А.А.Холодович. - М.: «Прогресс», 1977. – С. 696.
8. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. - М.: «Наука», 1977. – С. 576.
9. Шишкина И.П. Творчество И.В.Гете и художественная структура произведений немецких писателей XIX-XX веков (к проблеме интертекстуальных связей) // Интертекстуальные связи в художественном тексте (Межвузовский сборник научных трудов). – СПб.: «Образование», 1993. – С. 28-38.